
США и советско-чехословацкий договор 1943 г.

Артём Зорин

The USA and the Soviet-Czechoslovakia treaty of 1943

Artem Zorin (Vyatka State University, Kirov, Russia)

История советско-американских отношений постоянно находится в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. За время существования СССР наиболее близким взаимодействием Москвы и Вашингтона было во время Второй мировой войны, когда две державы объединились против общего врага.

Проблемы, посвящённые характеру связей советского и американского правительств, а также политике США в отношении СССР¹, освещены достаточно полно. Слабо изученной оказалась тема регионального измерения их взаимоотношений в годы войны, влияния локальных событий на американское восприятие Советского Союза и принятую затем политическую стратегию Вашингтона². Между тем их освещение может раскрыть многие интересные аспекты, поскольку именно тогда Соединённые Штаты переживали серьёзную трансформацию внешнеполитических подходов и доктрин, смещавшихся от изоляционизма к интернационализму и глобальной внешнеполитической стратегии, выработке планов создания принципиально новой системы международных отношений. В итоге в послевоенный период США стали главным стратегическим противником СССР.

В данной статье исследован советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве от 12 декабря 1943 г., ставший первым в серии подобных соглашений СССР с соседними государствами. История разработки и подписания этого документа – преимущественно в контексте советской или чехословацкой политики – подробно представлена российскими и зарубежными исследователями³. Однако взгляд на него в свете

© 2017 г. А.В. Зорин

Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 15-31-01303.

¹ См., например: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. М., 2006; *Мальков В.Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009.

² Единственная обобщающая работа по данной проблеме: *Встречными курсами: политика СССР и США на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке в 1939–1947 гг.* / Отв. ред. В.Т. Юнгблуд. Киров, 2014.

³ См.: *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. М., 2009; *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013; *Němeček J. a kol.* Československo-sovětská smlouva 1943. Praha, 2014. Исследование данного соглашения в контексте британской политики рассмотрено: *Brown M.* Dealing with Democrats. The British Foreign Office and the Czechoslovak Emigres in Great Britain, 1939 to 1945. Frankfurt a/M, 2006. В американских исследованиях договор упоминается лишь мельком, см.: *Garrett J.V.* Czechoslovakia and the coup in the American peace, 1938–1948. A PhD Diss. Bowling Green State University, 1987; *Clements C.W.* The Development and Failure of American Policy toward Czechoslovakia, 1938–1948. A PhD Diss. Miami University, Oxford (Ohio), 2004.

трёхсторонних отношений, а тем более с точки зрения восприятия Советского Союза в США, практически не представлен⁴.

Отношение Соединённых Штатов к процессу советско-чехословацкого сближения можно рассматривать как один из маркеров, демонстрирующих сущность противоречивого восприятия политики Москвы, и как предпосылку послевоенного конфликта двух сверхдержав. Привлечение российских, чехословацких и американских источников (включая неопубликованные документы Национального архива США) позволяет пролить свет на данную проблему.

1943 год стал важным рубежом и в ходе Второй мировой войны, и в отношениях держав антигитлеровской коалиции. На состоявшихся тогда союзнических конференциях в Москве, Каире и Тегеране были достигнуты важные договорённости об основах послевоенного мироустройства и создания новой системы международной безопасности. Там произошли личные встречи лидеров СССР, США и Великобритании, способствовавшие преодолению разногласий и сплочению альянса. Однако развитие военного сотрудничества осложнялось взаимными подозрениями и недоверием, вызванным различными политико-идеологическими системами, интересами и подходами сторон. Одной из трудностей было сохранявшееся в западных странах негативное восприятие Советского Союза, которое всего через несколько лет после победы над общим врагом способствовало разделу мира на сферы влияния, началу новой конфронтации и холодной войны.

Опасения по поводу такого «сценария» взаимодействия союзников появились ещё в период войны – в дипломатической переписке, общественных и политических дискуссиях, в том числе при обсуждении локальных вопросов, напрямую не связанных с отношениями в рамках Большой тройки. Одним из них стали будущее Центральной и Восточной Европы и отношения с эмигрантскими правительствами оккупированных Польши и Чехословацкой республики (ЧСР). Наиболее актуальным оставался польский вопрос, вызывавший многочисленные дебаты из-за нараставших польско-советских противоречий, дошедших до разрыва дипломатических отношений весной 1943 г. после опубликования информации о катынских расстрелах. Чехословацкое правительство в изгнании пошло по иному пути – поиску компромисса и союза с СССР.

Советско-чехословацкому сближению в годы войны предшествовала долгая дипломатическая и политическая подготовка, осуществлявшаяся главой чехословацкого правительства в изгнании (ЧСП) президентом Э. Бенешем и его сторонниками. В 1943 г. он предпринял два важных зарубежных визита, повлиявших на будущее ЧСР. Первый – в США (май–июнь) – обеспечил американскую поддержку основным требованиям ЧСП, но продемонстрировал и нежелание Вашингтона идти на серьёзное сближение и проникновение в Центральную Европу, второй – в СССР (декабрь) – закончился подписанием двустороннего договора и заложил основы будущего союза с нашей страной. Позже, после февральского политического кризиса 1948 г., американский посол в Праге Л. Штейнгардт утверждал, что именно договор 1943 г. положил начало планомерной политике расширения советского влияния в Чехословакии и превращения её в сателлита СССР⁵.

---

⁴Здесь можно упомянуть лишь статью словацкого историка С. Михалека: *Michálek S. Československo-sovietska zmluva z roku 1943 v americkej tlači // Soudobé Dejiny. 1994. № 6. S. 847–860.*

⁵Foreign Relations of the United States (далее – FRUS). 1948. Vol. IV. P. 747–754.

Бенеш, покинувший пост президента Чехословакии после подписания Мюнхенского соглашения 1938 г., в годы войны сумел возглавить эмигрантское движение сопротивления и встал во главе сформированного в Лондоне правительства в изгнании (в 1940 г. его признала Великобритания). Его первым внешнеполитическим проектом стал план создания чехословацко-польской конфедерации (ЧПК), оформленный в том же году декларацией двух эмигрантских правительств. После нападения Германии на СССР ЧСП получило полное и безоговорочное признание со стороны Москвы, а вскоре официальные отношения с ним установил и Вашингтон.

Стремясь заручиться поддержкой всех союзников в воссоздании Чехословакии и обеспечении её будущей безопасности, Бенеш выдвинул новую концепцию внешнеполитической ориентации, основанную на балансировании между сильнейшими полюсами послевоенного мира: 50% — на Запад, 50% — на Восток. Реализация концепции началась с подписания в июле 1941 г. советско-чехословацкого соглашения о сотрудничестве и формировании вооружённых сил на территории СССР⁶. Тогда же возникла идея личного визита Бенеша в Москву для обсуждения с советским руководством важнейших вопросов двусторонних отношений. Однако её не поддержали — по военным соображениям и из-за политических противоречий (в том числе советско-британских разногласий и отрицательного отношения Советского Союза к проекту ЧПК).

Лишь в 1942 г., когда наметился перелом в войне и связях союзников, ситуация стала постепенно меняться в благоприятную для планов Бенеша сторону. В мае был заключён 20-летний советско-британский договор о дружбе, а вскоре чехословацкий Государственный совет, выполнявший в эмиграции функции парламента, заявил о готовности президента Бенеша посетить Москву при первом благоприятном случае и отказаться от создания конфедерации, если это противоречило советским интересам (к тому времени процесс её создания фактически зашёл в тупик). Летом 1942 г. Москва поддержала одно из важнейших требований ЧСП — восстановить Чехословакию в её домюнхенских границах⁷. Чехословацкая сторона предложила обсудить возможность замены проекта ЧПК союзным договором с Польшей, направленным против Германии. Аналогичное соглашение могло быть заключено и с СССР по образцу советско-британского. Оптимальным же вариантом являлся трёхсторонний пакт. Эти идеи были переданы советскому правительству, которое в апреле 1943 г. согласилось подписать советско-чехословацкий договор о взаимопомощи⁸.

Чехословацко-советский диалог развивался одновременно с попытками привлечь на сторону ЧСП ещё одну мощную державу — США. Отношения с Вашингтоном долгое время осложнялись отказом американцев признавать эмигрантское правительство в качестве законного представителя интересов чехословацкого народа из-за отсутствия правового и политического континуитета, нежелания открыто вмешиваться в европейские противоречия и брать на себя обязательства по одобрению территориальных изменений. Лишь 30 июля 1941 г., вслед за Великобританией и СССР, США с оговорками признали ЧСП

⁶ *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 22.

⁷ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, д. 275, л. 25, 8–10, 12–19 (URL: <http://agk.mid.ru>; дата обращения: 25.11.2016).

⁸ *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 128–136; *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии... С. 338–343; *Benes E.* From Munich to new war and new victory. Cambridge, 1954. P. 241–245.

как временный орган, не имевший полномочий заключать соглашения на послевоенный период⁹. И только в конце октября 1942 г. чехословацкое правительство и президент Бенеш получили полное признание Вашингтона¹⁰.

В тот период американский президент Ф. Рузвельт, госсекретарь К. Хэлл и их сторонники искали пути развития более близких отношений с СССР для интенсификации войны и поддержки планов создания новой международной системы. В результате они приняли широкомасштабную программу ленд-лиза, отправили в Москву специальных представителей и попытались выйти на прямой контакт руководителей двух держав. Но к сближению с СССР настороженно отнеслись американские консервативные круги, помнившие активность Коминтерна, советско-германский пакт 1939 г. и последовавшую за ним экспансию СССР в Восточной Европе.

Одной из целей развития американско-чехословацких отношений стало стремление Рузвельта укрепить отношения с Москвой. Чехословацкий президент с его многолетним политическим и дипломатическим опытом интересовал руководство США прежде всего в качестве эксперта по советской внешней политике и возможного посредника в переговорах с И.В. Сталиным. Бенеш мог оказаться отличным инструментом в руках Рузвельта для пропаганды его взглядов, поскольку был готов публично, безоговорочно и решительно демонстрировать своё доверие к руководителям Советского Союза и их курсу, чего не могли себе позволить американские политики¹¹.

В декабре 1942 г. Бенеш получил приглашение посетить Соединённые Штаты с официальным визитом. Важным фактором в принятии Рузвельтом такого решения (именно когда он стремился выйти на личный контакт со Сталиным) была переданная в США информация о намерении чехословацкого лидера вскоре нанести личный визит в Москву и о желании предварительно согласовать свою позицию с американским президентом¹². Перед началом поездки в Америку Бенеш получил из Москвы принципиальное согласие на заключение договора с ЧСП, а также приглашение посетить СССР в «ближайшее время»¹³.

В мае 1943 г. чехословацкая делегация прибыла в Вашингтон, где провела переговоры с президентом Рузвельтом, руководством Госдепартамента и ведущими представителями политических, экономических, финансовых кругов Америки. Как и следовало ожидать, основным объектом обсуждений была отнюдь не Чехословакия, а СССР, планы послевоенного мироустройства и советско-польские отношения. Последний вопрос имел особую актуальность в связи с политической активностью многочисленной польской диаспоры в США. Кроме того, обсуждение различных граней польского урегулирования в формате Большой тройки могло непосредственно отразиться на послевоенных планах Москвы, в том числе в отношении других государств Восточной Европы, включая Чехословакию.

⁹FRUS. 1941. Vol. II. P. 33.

¹⁰U.S. National Archives and Records Administration, College Park (далее – NARA). RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.01/436A.

¹¹*Fierabend L.* Benes mezi Washingtonem a Moskvou. Washington, 1966. S. 38.

¹²NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.01/456; *Дани Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 274–285.

¹³*Benes E.* Op. cit. P. 180; *Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních. 1939–1945. Dokumenty* (далее – ČSVDJ), d. 1. Praha. 1998. Dok. 226.

В ходе переговоров и выступлений Бенешу приходилось доказывать, что он не являлся агентом Москвы и не поддерживал планов распространения коммунизма, а действовал из сугубо прагматических соображений — защиты интересов Чехословакии и создания новой системы безопасности в Европе, которая, по его мнению, должна была учитывать два основополагающих постулата. Согласно первому, после завершения войны Германию следовало по-прежнему рассматривать как главную угрозу миру и чехословацкой независимости. Вторым постулат указывал на неизбежность изменения баланса сил на континенте. Роль стабилизаторов системы должны были выполнять стремившиеся к сохранению мира и статус-кво союзные державы. При этом ведущая роль на востоке Европы должна была принадлежать стремительно усиливавшемуся Советскому Союзу, который превращался в соседа ЧСР и главный противовес Германии.

Бенеш уверял американских собеседников, что сам СССР не представлял угрозы, поскольку радикальный большевизм постепенно исчерпывал себя. Его источником отчасти являлась враждебная политика западных держав и стремление изолировать советское государство. Расширение взаимодействия, борьба против общего врага способствовали преодолению недоверия между союзниками, постепенному их сближению и даже демократизации советского строя, отказу СССР от агрессивной экспансионистской политики. Чехословацкий президент предлагал программу устранения потенциальной советской угрозы через развитие близких отношений с Москвой. Для этого требовалось решить все вопросы, способные вызвать опасения и враждебность советского руководства. Он считал необходимым признать СССР равноправным партнёром при решении важных мировых проблем. Советское влияние должно было компенсироваться западными державами (включая США), которым также следовало расширить близкие контакты с Москвой. Частью этой системы предполагалось сделать Чехословакию, славянскую страну, традиционно ориентированную на западную демократическую модель государственно-политического устройства и призванную сыграть роль своеобразного моста между Западом и Востоком. В качестве дополнительных стабилизирующих механизмов Бенеш предлагал создать региональные объединения малых держав, в том числе чехословацко-польскую конфедерацию (в случае согласия СССР).

Эти идеи не противоречили взглядам президента Рузвельта и некоторых его ближайших сторонников, поэтому мнение Бенеша о намерениях СССР вызвало значительный интерес американского руководства. В Госдепартаменте планы региональных союзов развивал заместитель госсекретаря С. Уэллес. Но американские проекты послевоенного мироустройства носили, как правило, глобальный характер и предполагали также создание сильной международной организации, способной заменить Лигу Наций. В беседах Бенеша с президентом США, руководителями Госдепартамента, американскими политическими деятелями и журналистами чувствовалась их обеспокоенность по поводу СССР. Собеседники чехословацкого лидера опасались вмешательства Москвы во внутренние дела других стран и подрывной деятельности Коминтерна¹⁴. Бенеш, в свою очередь, пытался убедить их в дружественных намерениях Сталина. Чехословацкий лидер считал, что, хотя в Центральной Европе у СССР есть свой интерес, но его временное доминирование не приведёт к установлению там просоветских правительств. Президенту США Бенеш сообщил о намерении

¹⁴CSVDJ, d. 1. Dok. 240; *Benes E.* Op. cit. P. 194; *Taborsky E.* President Edvard Benes. 1938–1948. Stanford, 1981. P. 123–127; FRUS. 1943. Vol. III. P. 529.

в ближайшее время посетить Москву, фактически предложив себя на роль посланника и посредника. Также чехословацкий президент дал понять, что он не против укрепления связей с Советским Союзом путём заключения договора, участником которого могла бы стать и Польша, что сняло бы польско-советские противоречия, позволило бы преодолеть имевшиеся разногласия и продемонстрировать благие намерения Москвы в отношении соседних стран. Он советовал руководителям США развивать дружеские связи с СССР и заключить с ним долгосрочный договор. По словам Бенеша, Рузвельт одобрил его намерения и поддержал идею договора¹⁵.

9 июня чехословацкий президент вылетел из Вашингтона в Лондон, планируя в ближайшее время отправиться в Москву. Но в первой же беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом 16 июня Бенеш с удивлением узнал о негативном отношении правительства Великобритании к возможности заключения советско-чехословацкого договора. Эта встреча положила начало долгой и интенсивной череде переговоров, касавшихся советско-чехословацких и советско-британских отношений. Иден объяснял свою позицию неформальной договорённостью между Лондоном и Москвой не подписывать соглашений с правительствами оккупированных государств до окончания войны (о чём ранее Бенеша не поставили в известность) и опасением изоляции польского правительства¹⁶.

Советский посол при ЧСП А.Е. Богомолов расценил утверждения британского министра как неправильное понимание позиции СССР и нарушение его права на независимую внешнюю политику, советуя Бенешу не поддаваться давлению англичан. Чехословацкий президент указал британской стороне на поддержку его намерений со стороны Рузвельта и Госдепартамента США¹⁷. Однако в ответе на обращение Идена к Уэллесу Госдепартамент заявил, что в разговорах с Бенешем поднимался лишь вопрос о его желании достичь понимания со Сталиным относительно послевоенного положения Чехословакии, но не о договоре ЧСП с СССР¹⁸. Бенеш пояснил, что он разговаривал о заключении соглашения с Рузвельтом, а Уэллес мог быть просто недостаточно информирован. Главным же, по его мнению, являлось то, что американцы поддерживали чехословацкий курс и выразили заинтересованность в готовности СССР предоставить Чехословакии гарантии независимости и невмешательства в её внутренние дела¹⁹. В беседах с американскими дипломатами Бенеш пытался возложить ответственность за срыв поездки в Москву на англичан. Причиной, по его мнению, стала неправильная трактовка Форин-оффисом соглашения с Москвой²⁰. Хотя разногласия главы ЧСП с британским правительством ставили под угрозу обещанный Рузвельту скорый визит Бенеша в Россию, Госдепартамент предпочёл не вмешиваться.

Вскоре Москва обозначила заключение соглашения необходимым условием посещения Бенешем СССР, что поставило последнего в сложное положение.

---

¹⁵Hoover Institution Archives, Stanford University. Edward Taborsky papers. Box 2. E. Taborsky wartime diary. P. 233–255; ČSVDJ, d. 1. Dok. 231, 243, 246; NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.01/498, 860F.01/1009; *Benes E.* Op. cit. P. 195–196.

¹⁶*Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 137; ČSVDJ, d. 1. Dok. 251.

¹⁷NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.001/153.

¹⁸FRUS. 1943. Vol. III. P. 670.

¹⁹ČSVDJ, d. 1. Dok. 262–264; d. 2. Dok. 17; *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 137.

²⁰FRUS. 1943. Vol. III. P. 677; ČSVDJ, d. 2. Dok. 9.

Ему пришлось отложить визит, чтобы не втягиваться в советско-британские разногласия и дожидаться их разрешения. Осенью решено было вынести вопрос на обсуждение запланированной на октябрь Московской конференции министров иностранных дел²¹. В это время продолжались советско-чехословацкие переговоры о содержании договора и вскоре его проект согласовали. По инициативе СССР предлагалось предусмотреть возможность присоединения третьей стороны (Польши), что должно было ослабить опасения англичан и способствовать оформлению польско-чехословацкого соглашения²². 24 октября на заседании Московской конференции А. Иден, К. Хэлл и В.М. Молотов обсудили вопрос о советско-чехословацком договоре. За день до того текст был направлен для ознакомления британской и американской сторонам²³. Соглашение объявлялось продолжением советско-чехословацких договоров 1935 и 1941 гг. и подлежало заключению на 20 лет с возможностью пролонгации.

Договор обязывал стороны оказывать друг другу помощь в войне против Германии и её союзников, не вести с ними односторонних переговоров, а в случае повторения германской агрессии в будущем рассчитывать на взаимную поддержку. Кроме того, отмечалось требование тесного и дружественного сотрудничества двух государств в послевоенный период на основе принципа уважения независимости, суверенитета, невмешательства во внутренние дела каждого из них. Страны также обязывались развивать экономические отношения на основе взаимопомощи, не заключать союзов и не принимать участия в коалициях друг против друга. Дополнительный протокол предполагал возможность присоединения к договору третьей страны, граничащей с СССР или ЧСР и подвергшейся германской агрессии²⁴.

Хэлл предпочёл воздержаться от вмешательства в обсуждение, заявив, что «лично не был знаком со всеми деталями». Не получив поддержки американцев, Иден неожиданно (вопреки позиции Форин-оффиса и предварительным инструкциям) одобрил предложенное соглашение и визит Бенеша в Москву²⁵. Фактическое молчаливое согласие на подписание договора со стороны госсекретаря США могло определяться несколькими мотивами. Во-первых, стремлением сохранить дружественную атмосферу в стане союзников и не обострять возникавшие между ними противоречия; во-вторых, нежеланием портить отношения с Москвой накануне скорой и долгожданной встречи Рузвельта со Сталиным в Тегеране; в-третьих, соответствием планов Бенеша взглядам президента США; наконец, плохой информированностью Хэлла по данному вопросу вследствие его концентрации на обсуждении проблемы создания новой международной организации по обеспечению всеобщей безопасности²⁶. Это подтверждало и направленное Бенешу в начале декабря сообщение главы Чехословацкой информационной службы в Нью-Йорке Я. Папанека. Он отмечал, что даже противники чехословацкого правительства в Госдепартаменте

²¹ *Benes E.* Op. cit. P. 241–245; *Brown M.* Op. cit. P. 200–201.

²² *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 140.

²³ АВП РФ, ф. 06, оп. 5, п. 20, д. 218, л. 12.

²⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1944. С. 373.

²⁵ FRUS. 1943. Vol. I. P. 625–627; *Brown M.* Op. cit. P. 204–206; *Smetana V.* Britové, Američané a československo-sovětská smlouva // *Československo-sovětská smlouva 1943.* Praha, 2014. S. 58; ČSVDJ, d. 2. Dok. 47.

²⁶ *Michálek S.* Op. cit. S. 847–860; *Smetana V.* Op. cit. S. 59.

больше не могли открыто выступать против политики Бенеша в отношении Москвы из-за продемонстрированной ранее руководством США поддержки²⁷.

23 ноября чехословацкая делегация вылетела из Лондона в СССР. До советской столицы ей удалось добраться (через Северную Африку, Ближний Восток и Кавказ) лишь через 18 дней. Во время недельной остановки Бенеша под Багдадом в соседнем Иране проходила конференция лидеров Большой тройки, на которую чехословацкий президент приглашён не был²⁸. Эту паузу использовали для проведения обстоятельных бесед с присланным для сопровождения Бенеша заместителем наркома иностранных дел СССР А.Е. Корнейчуком. Последний исправно передавал информацию в Москву, что облегчило последующие переговоры²⁹.

В столице СССР Бенеш был встречен со всеми государственными почестями и пробыл там с 11 до 23 декабря³⁰, после чего отправился по тому же маршруту в Лондон, останавливаясь с короткими визитами в Иране, Египте и Алжире. Во время пребывания в Советском Союзе чехословацкий президент четыре раза виделся со Сталиным (проведя две обстоятельные беседы) и дважды отдельно встречался с Молотовым. На переговорах поднималось множество проблем, касавшихся не только судьбы Чехословакии, но и послевоенного устройства Европы. Как и в США, в Москве наблюдался большой интерес к польской проблеме. Обсуждалось будущее экономическое и военное сотрудничество СССР и ЧСР³¹. На проводимых в честь Бенеша торжественных мероприятиях присутствовало высшее советское руководство. Также в Москве шли переговоры Бенеша с представителями чехословацких коммунистов. 12 декабря в Кремле был подписан советско-чехословацкий договор, и уже 22 декабря состоялся обмен ратификационными грамотами³².

Хотя для американцев актуальность визита Бенеша в СССР после личной встречи Рузвельта со Сталиным в Тегеране снизилась, действия чехословацкого президента вызвали интерес в дипломатических кругах и печати США, но прежде всего с точки зрения анализа советской внешней политики и её соответствия достигнутому соглашению. О содержании своих переговоров Бенеш исправно сообщал в Госдепартамент. 17 и 20 декабря он встречался в Москве с послом США А. Гарриманом, в Алжире беседовал с американским представителем при Французском комитете национального освобождения Э. Вильсоном. По возвращении в Великобританию Бенеш ещё раз поделился впечатлениями от поездки с американскими дипломатами в Лондоне.

Гарриман и Вильсон в своих сообщениях в Вашингтон обращали внимание на положительные впечатления Бенеша от визита и оказанной ему встречи, а также на достижение согласия со Сталиным по всем принципиальным вопросам. Чехословацкий президент сообщал, что он удостоверился в правильности своих прежних прогнозов относительно постепенной трансформации Советского Союза и его отхода от агрессивного коммунизма. Бенеш считал, что

---

²⁷Ján Papánek za vojny Edvardovi Benešovi (vyber z dokumentov 1939–1945). Bratislava, 1997. Dok. 45. S. 117.

²⁸Kalvoda J. Czechoslovakia's Role in Soviet Strategy. Washington, 1978. P. 143; Nováčková H., Šťovíček I. Edvard Beneš o jednání v Moskvě v prosinci 1943 // Soudobé Dejiny. 1996. № 2–3. S. 323–349.

²⁹Benes E. Op. cit. P. 259–265.

³⁰Němeček J. Československá vláda, prezident a československo-sovětská smlouva z r. 1943 // Československo-sovětská smlouva 1943. S. 7–48; Nováčková H., Šťovíček I. Op. cit. S. 326.

³¹АВП РФ, ф. 06, оп. 5, д.401, п. 33, л. 1–30.

³²Марына В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 151–165.

политика СССР прежде всего определялась тремя стремлениями: продолжить долговременное сотрудничество с союзниками, гарантировать предотвращение новой агрессии со стороны Германии и обеспечить установление власти дружественных правительств в соседних государствах. Американские дипломаты отмечали убежденность своего собеседника в твердом намерении СССР не вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и Польши. Бенеш уверял, что США, со своей стороны, могли положиться на русских в исполнении ими принятых обязательств. Говоря о договоре, он представлял его как первый шаг к созданию системы общей безопасности и подчёркивал важность присоединения к соглашению польского правительства. Относительно послевоенного устройства Центральной Европы президент указывал на согласие с точкой зрения Сталина – отказаться от создания региональных конфедераций, развивая сотрудничество между соседними странами на экономической основе без формальной организации. Но о дальнейших планах послевоенного сотрудничества с СССР и налаживании тесных взаимосвязей Бенеш предпочёл умолчать³³.

Официальная реакция Госдепартамента на заключённый договор оказалась сдержанно-нейтральной: это результат долгих переговоров, по содержанию он соответствовал англо-советскому договору 1942 г. и не противоречил общей системе коллективной безопасности³⁴. Президент Рузвельт на встрече с чехословацким министром иностранных дел Я. Масариком в начале февраля 1944 г. позитивно отзывался о данном соглашении, выразив уверенность в стремлении СССР сотрудничать с союзными державами³⁵. Вместе с тем советско-чехословацкое сближение вызвало противоречивый отклик в американской прессе. Из наиболее влиятельных газет, освещавших эту тему, прежде всего можно выделить «Washington Post» и «New York Times». Их первые сообщения о посещении Бенешем Москвы имели преимущественно информативный характер. «New York Times» 10 декабря сообщила о приезде Бенеша в СССР, 13-го числа в передовице поместила информацию о подписании советско-чехословацкого договора, а на следующий день – его полный текст. Московский корреспондент газеты отмечал: чехословацкий президент, ставший первым лидером иностранного государства, посетившим Москву с 1918 г., был хорошо знаком русским с довоенного времени, и его принимали как старого друга и союзника³⁶.

В то же время имели место попытки проанализировать заключённое соглашение и его возможные последствия в более широком международном контексте. Они в основном укладывались в две сюжетные линии: размышления о намерениях СССР и соответствии договора планам создания новой системы всеобщей безопасности, обсуждавшимся в Москве и Тегеране. В редакционной статье «Washington Post» от 9 декабря заключение договора объяснялось стремлением СССР к формированию на своей границе федерации дружественных государств – для предотвращения воссоздания санитарного кордона. Автор статьи полагал, что тем самым Москва добивалась гармонизации решений о послевоенном устройстве Восточной Европы и мер по обеспечению собственной безопасности. Договор мог оказаться первым шагом к заключению серии подобных соглашений, а ЧСР

³³FRUS. 1943. Vol. III. P. 728, 731; NARA. RG 59. Czechoslovakia, 1910–1944. M1218. 860F.001/163–170, 175.

³⁴The Department of State Bulletin. Vol. IX. № 234. December 18, 1943. P. 439.

³⁵ČSVDJ, d. 2. Dok. 76.

³⁶Lawrence W.H. Pact with Czechs signed in Moscow // New York Times. 1943. December 13; The text of the Russian-Czechoslovak mutual assistance treaty // Ibidem. December 14.

выступала «активирующим агентом для расширения системы на другие страны», прежде всего на Польшу³⁷. Эту идею 16 декабря продолжила статья другого автора, по мнению которого СССР не был убеждён в эффективности принципа коллективной безопасности и новой международной организации, в связи с чем наложил вето на планы создания региональных федераций и занялся «сооружением специальных барьеров» для самозащиты.

В результате были подписаны договоры с Великобританией и Чехословакией. Причём последний был открыт для присоединения третьей стороны — Польши или Австрии. Он демонстрировал заинтересованность СССР в Центральной Европе и предполагал, что «какие-либо региональные группировки в этой части континента» смогут создаваться и действовать только под эгидой Советского Союза. Но Москва, по мнению автора, не намеревалась использовать систему создаваемых ею союзов для навязывания коммунистических режимов. А договор демонстрировал своеобразный подход к коллективной безопасности: «державы прежде всего создают свои особые альянсы, даже одновременно планируя в итоге создать систему коллективной безопасности»³⁸.

В одном из первых откликов в «New York Times» договор оценивался в позитивном ключе как «событие исключительной важности», которое влекло за собой «серьёзные последствия для послевоенного центральноевропейского урегулирования», открывало дверь Польше для присоединения к барьеру против традиционного германского «натиска на Восток» и демонстрировало отказ СССР от намерений большевизации малых европейских стран. Но отмечалось и то, что благодаря поддержке Чехословакии Советское государство получало частичное доминирование в Центральной Европе, где отныне без его согласия невозможно будет создать какие-либо межгосударственные объединения. Кроме того, считал автор, этим актом аннулировалось неформальное советско-британское соглашение 1942 г. о неподписании до окончания войны договоров с малыми странами, вследствие чего обе державы теперь могли набирать союзников и создавать сферы влияния³⁹.

В другой статье отмечалось, что СССР получал важное дипломатическое преимущество в лице «ещё одного союзного государства, лидер которого, доктор Бенеш, пользуется большим уважением» среди членов антигитлеровской коалиции⁴⁰.

Лондонский обозреватель «New York Times» в материале от 19 декабря констатировал, что значение договора выходило за рамки чехословацко-советских отношений и открывало Москве путь к распространению своего влияния: аналогичные соглашения могли быть заключены с Югославией, Венгрией, Болгарией и Румынией. Целью такой политики могло являться либо стремление «открыть для России каналы, ведущие на запад», либо «тщательное сооружение оборонительного вала», либо комбинация обоих вариантов — строительство «своего рода низкой стены с удобными воротами». Прогнозируя дальнейшую политику СССР, автор полагал, что Москва будет настаивать на формировании дружественных, но не обязательно коммунистических правительств в соседних странах. При этом в статье отмечалось, что чехи отвергли всякую опасность создания советской сферы влияния в Восточной Европе и даже гордились, что оказались умнее финнов и поляков, «которые имели

³⁷Winkler P. Eastern Europe federation plans // Washington Post. 1943. December 9.

³⁸Niver B. The Czech pact // Washington Post. 1943. December 15.

³⁹Benes in Moscow to sign Czech pact // New York Times. 1943. December 10.

⁴⁰Lawrence W.H. Pact with Czechs signed in Moscow // New York Times. 1943. December 13. P. 1.

возможность договориться с Советским Союзом, когда Россия находилась в трудном положении»⁴¹.

Следует отметить, что в первую очередь упомянутые американские издания интересовались влиянием договора на последующую политику СССР и опасностью образования сфер влияния в Европе. В связи с обсуждением договора вашингтонский корреспондент британской «Daily Telegraph» в статье от 15 декабря также упомянул о его возможных неблагоприятных последствиях для Госдепартамента. После возвращения с Московской конференции госсекретарь Хэлл заверял Конгресс, что «больше не будет необходимости в сферах влияния, ради которых в несчастном прошлом народы стремились защитить свою безопасность или распространить свои интересы». Однако заключение менее чем через месяц советско-чехословацкого договора поставило под сомнение и это заявление, и прежний курс США, заключавшийся в том, чтобы относиться к правительствам в изгнании лишь как к временным «хранителям национальных суверенитетов, пока их народы не смогут сами выбирать своих лидеров и правительства»⁴².

Ещё один важный вопрос для американских СМИ — о судьбе Польши. 23 декабря в сообщении корреспондента «New York Times» о состоявшейся в Москве финальной пресс-конференции Бенеша были выделены его слова о стремлении в ближайшем будущем достичь чехословацко-польского соглашения, о заинтересованности СССР в «сильной и независимой Польше и сильной и независимой Чехословакии», о гарантированности «перспективы будущего мира»⁴³.

В материале американской радиовещательной компании «CBS» от 15 декабря отмечалось, что СССР демонстрировал готовность возобновить отношения с польским правительством (но не с «нынешним правительством в Лондоне») на равной основе. В «New York Herald Tribune» выражалась надежда, что правительство Польши «не будет терять времени, отвечая на приглашение, содержащееся в договоре»⁴⁴.

Соглашение обсуждали и другие СМИ. Анализируя общие тенденции в его освещении, словацкий историк С. Михалек отмечает, что однозначную оценку ему давали только консервативные издания, обвинявшие СССР в стремлении расширить своё влияние в Европе и мире; либеральная пресса реагировала более разнообразно, выражая и опасения, и поддержку межсоюзнического сотрудничества, и радость по поводу заключения договора. В целом же американцам не хватало определённости в понимании СССР — его восприятие с идеологических позиций в качестве угрозы, несущей распространение коммунизма, накладывалось на образ обычного государства, обеспокоенного собственной безопасностью. Эти соображения дополняла возникающая в США озабоченность их местом в мире и ролью в послевоенной Европе в случае её раздела на сферы влияния Великобританией и Советским Союзом⁴⁵.

12 января 1944 г. в «Washington Post» бывший заместитель госсекретаря Уэллес попытался подвести итог дискуссии, развернувшейся по поводу последствий договора. Он выделил ключевой вопрос: могло ли создание всемирной организации предусматривать региональные системы безопасности или она

⁴¹Anderson D. Clues sought in Russo-Czech pact // New York Times. 1943. December 19. P. E5.

⁴²NARA. RG 165. Regional File, 1922–1944. Box 692. Czech 3850. Political Information Series. № 4.

⁴³Benes links Poles to Moscow accord // New York Times. 1943. December 23. P. 3.

⁴⁴NARA. RG 165. Regional File, 1922–1944. Box 692. Czech 3850. Political Information Series. № 4.

⁴⁵Michálek S. Op. cit. S. 847–860.

должна была носить универсальный характер? Уэллес принимал на веру советские заверения в необходимости создания сильных государств в Восточной Европе и считал, что СССР имел все основания стремиться к формированию региональной системы безопасности из дружественных ему стран, так же как США – к созданию межамериканской системы в западном полушарии. Но это стремление должно было реализовываться «с помощью механизмов, поощряющих существование независимых, сильных и дружественных правительств, при поддержке общественного мнения».

Уэллес полагал: если в противоположность восточной возникнет западноевропейская региональная система под руководством Великобритании, это приведёт к возврату системы баланса сил и созданию политических и экономических сфер влияния двух великих держав. Для предотвращения этой опасности он предлагал поместить региональные системы под коллективное управление будущей всемирной организации, поскольку считал, что эффективное взаимодействие региональных организаций с «вышестоящими международными представителями исполнительной власти всех стран» поможет обеспечить прочный мир в Европе⁴⁶. Высказанная Уэллесом позиция находилась в русле его размышлений о послевоенном мироустройстве, а чехословацкий аспект был лишь частью общего контекста развернувшейся в американской печати дискуссии по этому вопросу⁴⁷.

Интересным был ещё один анализ заключённого договора – подготовленный Управлением стратегических служб 1 января 1944 г. доклад «Русско-чехословацкий альянс»⁴⁸. Его автор отмечал, что «договор вызывал больше вопросов, чем ответов» и порождал разные «предположения относительно его реального значения». В свете последних договорённостей союзников были непонятны двусторонний характер договора, сроки его подписания и отсутствие ссылок на «всеобщую международную организацию». Самым очевидным объяснением этого могло быть то, что подписанное соглашение стало результатом «политической инерции» – затянувшихся с середины 1942 г. из-за советско-британских разногласий переговоров. Поэтому подготовленный проект не учитывал результаты последних конференций союзников. Главной целью договора автор считал обеспечение безопасности обоих государств. Чешская сторона получала в лице СССР «долгожданного покровителя и защитника», выбор которого был обусловлен «не только логическими соображениями географического положения, но и убеждением, что Россия была единственным государством, которое поддержало их во время Мюнхенского кризиса», а ранее выступала в защиту коллективной безопасности в Лиге Наций. Со стороны чехов такое стремление являлось естественным, поскольку до создания всемирной организации «малые народы будут чувствовать, что они должны присоединиться политически и экономически к той или иной из великих держав в целях обеспечения рассмотрения их интересов». Второй фактор, способствовавший сближению, включал «всплеск национализма и панславизма в Советском Союзе» и прорусскую ориентацию чехов.

Для СССР мотивы подписания договора представлялись более глубокими и многозначными. Во-первых, он являлся результатом «инерционного стремления к безопасности»: через установление союзных отношений с ЧСР Москва стремилась создать элемент собственной ограниченной защитной системы,

⁴⁶Welles S. Russia and Czechoslovakia // Washington Post. 1944. January 12.

⁴⁷См.: Юнглод В.Т. Внешнеполитическая мысль США 1939–1945 годов. Киров, 1998.

⁴⁸NARA. RG 165. Regional File, 1922–1944. Box 692. Czech 3860. OSS R&A. № 1720.

которая в будущем могла стать частью общей международной организации. Стремясь вовлечь в союз Польшу, СССР создавал препятствия для её вхождения в какую-либо федерацию на своих западных границах, способную попасть под влияние другой великой державы. «Ввиду своего традиционного, почти патологического страха окружения, Советский Союз воспринимает такие проекты с подозрением, видя в них ядра потенциального санитарного кордона», — отмечал автор документа. Кроме того, сказывалось и естественное стремление великой державы расширить своё влияние на соседние государства.

Во-вторых, благодаря поддержке Чехословакии Москва получала сильного союзника на будущих переговорах о границах в Восточной Европе. В-третьих, целью договора стала передача послания польскому правительству о возможности найти взаимопонимание с СССР и о необходимости «проводить более приемлемую политику». В-четвертых, договор можно было рассматривать и как послание союзникам — он должен был продемонстрировать, что Москва не стремилась к новым территориальным приобретениям, не добивалась создания коммунистических режимов или советизации других стран, уважала суверенитет малых наций. В то же время советское правительство демонстрировало, что могло вести независимую от союзников политику, если планы международного сотрудничества не увенчаются успехом. В будущем союз с ЧСР мог быть использован для распространения советского влияния на Центральную Европу. Таким образом, заключённый договор представлял как важное и глубокое по своему содержанию соглашение, отвечавшее как текущим, так и долгосрочным интересам сторон. Но прежде всего он был выгоден СССР, как отвечавший его оборонным, стратегическим, дипломатическим и идеологическим интересам.

В целом политика эмигрантского чехословацкого правительства по сближению с СССР и дипломатическая активность президента Бенеша вызвали заметный интерес со стороны американских политических, экспертных и дипломатических кругов. Общественная реакция и отклики со стороны руководства страны демонстрировали сдержанность и стремление далее выстраивать дружественные отношения с Советским Союзом. Более всего специалистов по международным проблемам интересовало влияние чехословацко-советских связей на отношения между союзниками, последующую политику Москвы, на послевоенное урегулирование в Центральной и Восточной Европе, на судьбу Польши. Чехословакия в этих дискуссиях чаще воспринималась лишь как средство достижения советским руководством своих целей. В связи с договором впервые были чётко обозначены и опасность вовлечения этой страны в советскую сферу влияния, и сама возможность создания последней.

Но было много и тех, кто верил в искренность советского правительства и поддерживал стремление Бенеша по выстраиванию более тесных отношений с Москвой. Президент США Рузвельт и Госдепартамент фактически поддержали этот курс, самоустранившись от вмешательства в советско-чехословацкие отношения, приняв за основу позицию ЧСП и заверения Бенеша. Объективно такая реакция была следствием того, что администрация США в качестве приоритетных направлений своего внешнеполитического курса называла укрепление коалиции и подготовку условий для создания после войны действенной системы международной безопасности. Идеи и действия Бенеша противоречили некоторым тактическим установкам американской дипломатии, однако были созвучны главным целям стратегии администрации Рузвельта в войне, что способствовало успеху переговоров в Москве и в целом позитивной реакции на их результаты в Вашингтоне.